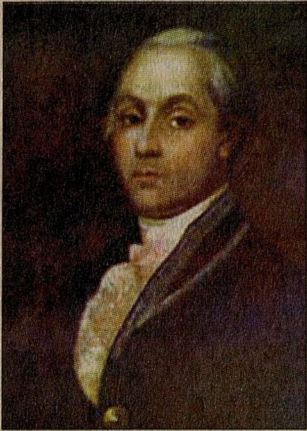

Путешествие из Петербурга в Сибирь

24 сентября исполнится 200 лет со дня смерти А.Н. Радищева

Писатель, шагающий не в ногу, и императрица, идущая вместе.

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

Если принять определение поэзии, данное Пастернаком, то Радищев прежде всего поэт — «куб дымящейся совести». Он был одаренным прозаиком, менее одаренным поэтом, но главный дар Радищева — совесть. За ним следует второй, не менее редкий дар — сострадание. В сочетании с пытливым умом, титаническим трудолюбием и блестящей образованностью совесть и сострадание сделали Радищева одним из лучших людей России на все времена.

Его юность совпала с тем периодом царствования Екатерины II, когда императрица, еще не напуганная русским бунтом, бессмысленным и беспощадным, искренне провозгласила свободу слова и даже отменила цензуру. Она всерьез полагала, что свобода мысли и просвещение помогут ей воплотить главный замысел Петра Великого. Вслед за Петром она хотела видеть Россию просвещенной и свободной европейской страной. Подражая Петру, императрица приказала послать на обучение в Лейпциг юношей из знатных и не очень знатных семей. Так юный Радищев оказался в Германии туманной, откуда и привез в Россию «учености плоды, вольнолюбивые мечты, дух пылкий и довольно странный».

О дар небес благословенный, / Источник всех великих дел, / О, вольность, вольность, / дар бесценный, / Позволь, чтоб раб тебя воспел.

Тут молодой поэт на себя клеветает. Рабом он никогда не был даже в душе. Просто Радищев не отделял свою личность от государства, а поскольку Россия была страной рабской, он и называет себя рабом. В этих строках есть глубокий подтекст. Екатерина II отменила слово «раб», заменив его сомнительным словом «подданный». Позднее ее нелюбимый и несчастный сын Павел запретил слова «парламент» и «гражданин». Вечно российские правители лезут не в свое дело, занимаясь вместо государственных дел то лингвистикой, то литературой.

В момент возвращения Радищева из Лейпцига страна, затаив дыхание, следила за неслыханным и захватывающим словесным поединком императрицы с Фонвизиным и Новиковым. Надо сказать, что в этом поединке Екатерина нередко становилась победительницей. Отвечая на вопросы Фонвизина, она побила его по всем пунктам. «Отчего у нас не все законы пишут?» — «Оттого, что сие не есть дело каждого». — «Отчего не перевелось воровство и взяточничество?» — «Оттого, что со времен Адама и Евы род человеческий несовершенен».

Для Радищева Екатерина правительница равновеликая почти обожественному тогдашней интеллигенцией Петру Великому. Радищев служит ей верой и правдой, часто не замечая, что из этих двух качеств второе явно излишне и даже нежелательно. Он раньше многих и многих понял, что крепостное право в XVIII веке — позор и ужас России. Знал бы он, что и в XX веке это позорное право возродится в виде сталинских колхозов с «беспаспортными» крестьянами. После Пугачевского восстания у Радищева накопилось материалов больше чем достаточно. В этом океане ужасающих фактов можно было утопить любую мысль. Радищев, как истинный просветитель, ищет литературную форму, чтобы в доходчивом виде объяснить Екатерине II и всему обществу несовместимость истинного просвещения с крепостным рабством. Путешествие — самая емкая и в то же время хорошо организованная во времени и пространстве литературная форма. К тому же все зачитывались «Сентиментальным путешествием» Стерна.

Маршрут путешествия выбран совсем не случайно. Из Петербурга в Москву, из будущего в прошлое, из цивилизации в варварство. Радищев знал, что Екатерина, как огня, страшилась Москвы с ее чумными бунтами и постоянными пожарами. Петербург был символом реформ и движения России в Европу. Москва символизировала то, что позднее Грибоедов смачно

выпишет в «Горе от ума». Историки отметили, что «Путешествие из Петербурга в Москву» поражает своей фактической достоверностью. На самом деле Радищев вплепел в свое путешествие все, что накопилось за долгие годы службы. Тысячи жалоб и всевозможных судебных дел, все вопли и слезы бесправного большинства страны Радищев сумел превратить в изящнейшие новеллы, выстроенные в единый ряд, прямой, как тракт Петербург — Москва. Этот путь был гордостью Екатерины. Там, на ледниковых валунах Валдая, не росла рожь и не колосилась пшеница. Целые деревни вдоль дороги занимались в основном извозом, обслуживали бесперебойную связь между двумя столицами. Радищев показал изнанку этих потемкинских деревень. Выяснилось, что это не просто извозчики и крепостные души, а страдающие и ограбленные до нитки люди.

Вот людей-то русская власть никогда не видала и видеть не хотела. Все эти таинственные крепостные души были для нее либо ряжеными подданными, либо бунтовщиками, едва-едва не ворвавшимися в столицу. Императрица искренне ужаснулась, читая Радищева. Кроме того, умная и одаренная Екатерина II не могла не понять, что проиграла Радищеву литературный поединок, который выиграла в журнальной полемике с Фонвизиним. «Путешествие» было для восемнадцатого века тем, чем стал «Архипелаг ГУЛАГ» для двадцатого. Злодейство можно выявить и запечатлеть только в совершенной литературной форме. Радищеву удалось такую форму найти. Крепостное право во Франции нашло свой приговор в «Женитьбе Фигаро». Крепостное право в России нашло свою духовную смерть в «Путешествии из Петербурга в Москву». Императрица читала книгу взахлеб всю ночь, а утром вышла с приговором автору: «Бунтовщик хуже Пугачева!».

Дальше последовало неслыханное для просвещенной правительницы злодеяние. Арест, кандалы и 10 лет ссылки в Сибирь всего лишь за удачный литературный труд. Что случилось с Екатериной? Куда рухнули ее искренние порывы к свободе и просвещению? За одну ночь она превратилась из реформаторши, просветительницы, ученицы Вольтера в злую каргу, в пиковую даму, в палача российской словесности. Именно она положила начало бесконечной веренице литературных процессов, продолжающихся и по сей день, когда писателя судит не критик, а прокурор.

В этом смысле судьбу Радищева можно считать сравнительно благополучной. Он отбыл в Сибирь не все 10 лет, а лишь половину этого срока. После смерти Екатерины Павел вернул Радищева в Петербург и даже позволил ему работать над новым законодательством. Конечно же, писатель остался верен себе и тотчас сочинил записку о необходимости скорейшей отмены крепостного права. Ему снова пригрозили Сибирью. Чувствительный Радищев не вынес нового испытания и выпил какой-то ужасный яд. Говорят, что это была купоросная смесь для чистки медных пуговиц на парадном мундире. В каком отчаянии надо быть, чтобы в зрелом возрасте, пережив сибирскую ссылку, выпить купорос... Эпитафию он себе написал давно, за много лет до ужасной смерти:

О! Если то не ложно / Что мы по смерти / будем жить, — / Коль будем жить, / то чувствовать нам должно; / Коль будем чувствовать, / нельзя и не любить.

Он умел чувствовать, умел любить и сумел облечь свои чувства в литературную форму. Все остальное — мелочи и преходящая суета. Русский XVIII век на Страшном суде будет оправдан книгой Радищева. Там, по законам сентиментализма, писатель должен будет со слезами простить преступную императрицу. А мы пока не простим.

Жанр путешествия подразумевает открытие. Радищев назвал «путешествием» комфортабельную поездку из Петербурга в Москву. Казалось бы, что может открыть путешественник на таком заезженном месте? Радищев открыл Россию.